

УДК 902/903'14

ЗАПАДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 В.А. Трифонов

Институт истории материальной культуры РАН, г.Санкт-Петербург

Поступила в редакцию 23.03.2014

В статье рассматривается вопрос западной границы распространения майкопской культуры эпохи бронзы. Делается вывод, что в период расцвета майкопской культуры (костромской этап, вторая половина IV тыс. до н.э.) подвижные группы связанного с ней населения расселились в Северном Причерноморье до междуречья Нижнего Днестра и Буга. В статье также обсуждается проблема происхождения погребений с «чернолощенными кубками».

Ключевые слова: майкопская культура, Кавказ, северное Причерноморье, энеолит, эпоха бронзы.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №13-06-00383.

Введение

Основной областью распространения памятников майкопской культуры на протяжении всех периодов ее развития оставалась относительно узкая, примерно стокилометровая полоса в предгорьях Северного Кавказа, протянувшаяся почти на 800 км по линии Анапа – Махачкала. В IV тыс. до н.э. эта территория представляла собой северную окраину обширной культурной провинции, в которую, кроме майкопской культуры, входили лейлатепинская культура в Азербайджане, памятники типа Бериклдеби в Грузии, памятники типа Се Гирдан и Союг Булак в Северо-Западном Иране и Азербайджане, памятники типа Арслантепе VII-VI в восточной Анатолии. Эта область была открыта для распространения в своей среде культурных стандартов из переднеазиатских центров формирования ранних цивилизаций Междуречья и синхронно откликалась на их изменения.

Для сопредельных территорий предкавказской и, шире, восточноевропейской степи майкопская культура оставалась не только ретранслятором переднеазиатских технологических достижений в области ремесел и хозяйства (металлообработка, производство текстиля, изготовление колесных средств передвижения), но и центром самостоятельного влияния, основной формой которого была прямая колонизация.

Освоение степных пространств носителями майкопской культуры было естественным процессом их территориальной экспансии, обеспеченной преимуществами эффективного ведения хозяйства при относительно высокой плотнос-

ти населения и развитых формах социальной самоорганизации¹. Судя по характеру распространения майкопских памятников на север, для носителей этой культуры природные и климатические отличия предкавказской степи от предгорий не были препятствием для ее хозяйственной колонизации. Вероятно, этому способствовала ее относительно разреженная среда из позднеэнеолитических групп населения различной культурной ориентации.

Везде, где позволяли условия, включая самые удаленные от кавказской «метрополии» анклавов на Восточном Маныче, майкопские переселенцы основывали поселения², а там, где они вторгались в плотно заселенные области коренных «степняков», даже сформировалась гибридная константиновская культура.

Учитывая количественное соотношение майкопских памятников к югу и северу от Нижнего Дона и Восточного Маныча, эту речную систему можно рассматривать как северную границу массового расселения «майкопцев», однако очевидное присутствие отдельных памятников и элементов майкопской культуры севернее и западнее этих пределов также требует объяснения.

Значит ли, что эти проявления майкопской культуры являются результатом инфильтрации связанного с ней населения, или имеет место спорадическое и фрагментарное распространение элементов этой культуры в виде влияний, заимствований и обменов?

Некоторую ясность в решение этой проблемы могут внести новые археологические материалы.

Погребение 12 из кургана 1 могильника «Синюха» в системе майкопских древностей

В 2012 г. на окраине Майкопа в кургане 1 могильника «Синюха» было исследовано погреб-

Трифонов Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Центральной Азии и Кавказа. E-mail: viktor_trifonov@mail.ru

Рис. 1. Могильник «Синюха», курган 1, погребение 12, общий план:

1 – орнаментированный сосуд черного цвета; 2 – красноглиняный горшок; 3 – сосуд коричневого цвета; 4 – бронзовая булавка/подвеска; 5 – каменный бисер (по: Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е., 2013)

бение 12 майкопской культуры³, представляющее особый интерес для рассматриваемой проблемы.

Тела трех погребенных (двух женщин 25-30 лет и, предположительно, одного молодого мужчины) были уложены в скорченном положении на правом боку головами на юг. Руки погребенных были согнуты в локтях таким образом, что кисти располагались перед лицом (рис.1). Погребение было устроено на уровне древней дневной поверхности, перекрыто земляной насыпью высотой около 1,3 м и диаметром около 17,5 м. По периметру насыпь была укреплена подпорной стеной – кромлехом из окатанных валунов, уложенных в 3-4 яруса, а сверху перекрыта каменным панцирем из таких же валунов в один слой.

В головах у погребенных были найдены три целых керамических сосуда и фрагменты стенок

еще одного горшка. У грудной клетки женского скелета в восточной части могилы был найден мелкий каменный⁴ бисер и бронзовая «булавка», прежде неизвестного для майкопских памятников типа. Булавка представляет собой четырехгранный бронзовый стержень, один конец которого заострен, а другой раскован и свернут в петлю. Общая длина булавки 7,8 см, сечение стержня в средней части 0,25х0,3 см, диаметр петли 0,4 см (рис.2, 4). Судя по расположению булавки в погребении, она была частью ожерелья из каменного бисера, и поэтому в равной степени справедливо называть ее подвеской.

Керамика в погребении представлена типичным для майкопской культуры набором хорошо обожженных разного цвета сосудов, изготовленных из отмученной глины с минеральными примесями и подправленных на гончарном кругу.

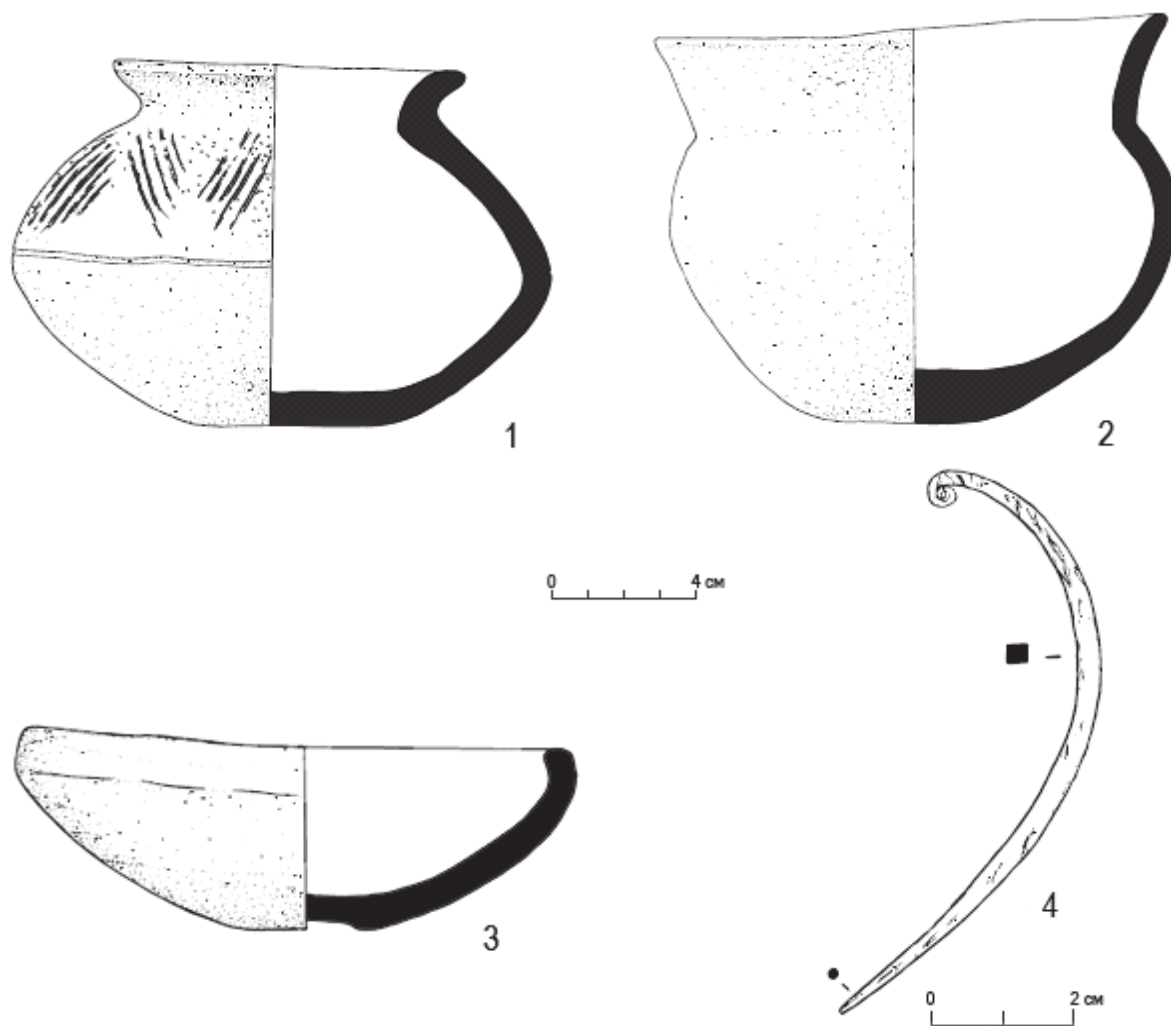

Рис. 2. Могильник «Синюха», курган 1, погребение 12 – находки:

1 – орнаментированный сосуд черного цвета; 2 – красноглиняный горшок; 3 – миска, с серым ангобом; 4 – бронзовая булавка/подвеска (по: Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е., 2013).

Верхняя часть тулова небольшого острореберного чернолощеного сосуда высотой 10 см была украшена характерным проглаженным или пролощенным «паркетным» орнаментом (рис.2, 1). Поверхность двух других небольших сосудов оранжевого (рис.2, 2) и серого цветов также была залощена, но не орнаментирована. От третьего сосуда сохранились только фрагменты стенок темно-оранжевого цвета.

С погребением 12 связаны и некоторые найденные за его пределами отдельные находки, в том числе небольшая, покрытая серым ангобом миска на кольцевидном поддоне, подправленная при изготовлении на гончарном кругу (рис.2, 3).

Следует отметить, что вслед за погребением 12 в кургане 1 были совершены еще два майкопских погребения – 6 и 1, причем с последним, возможно, была связана досыпка к первоначальной насыпи. Найденная в этих погребениях керамика по формам и качеству изготовления близка посуде из погребения 12.

Авторы раскопок справедливо указывают, что «керамический материал майкопских погребений кургана 1 находит круг широких аналогий в синхронных однокультурных памятниках Северного Кавказа»⁵, но опубликованные ими материалы позволяют высказаться значительно определеннее.

В хронологической системе майкопской культуры⁶ погребение 12 из кургана 1 могильника «Синюха» относится ко времени существования погребений типа Костромская – Иноземцево, или, проще, – к костромскому этапу развития. На это в первую очередь указывает сосуд, украшенный пролощенным орнаментом. Посуда с таким декором не встречается ни на раннем устьдзегутинском, ни на позднем бамутском этапах, но при этом относится к категории территориально самой распространенной орнаментированной посуды. На костромском этапе в подгорной зоне она встречается от Кабарды до Тамани, а в степи границы ее распространения достигают Нижнего Дона и Калмыкии.

В обряде погребения 12 нет ничего, включая обычай размещения умерших под насыпью на уровне древней дневной поверхности, что не соответствовало бы «майкопским» канонам. Даже сравнительный анализ соотношения изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в зубной эмали «женщины с ожерельем» с природными фоновыми показателями указывает на то, что она выросла в том же районе, где и была похоронена⁷. Тем не менее в ожерелье этой женщины есть бронзовая булавка, единственной отдаленной аналогией которой в майкопском контексте может служить изогнутая костяная (роговая?) «булавка» с ушком (рис.3, 5) из погребения 10 Большого Кишпекского кургана⁸. Все остальные аналогии этому украшению распространены так далеко от границ майкопской культуры, что это обстоятельство требует специального анализа.

Погребения с бронзовыми дуговидными «булавками» с ушком в культурном контексте восточноевропейской степи

За пределами основной территории майкопской культуры известно 4 погребения с бронзовыми дуговидными булавами (иначе: подвесками-крючками), аналогичными найденной в погребении могильника «Синюха». Две булавы происходят из подкурганых погребений в бассейне р. Самара (левобережье Нижнего Днестра) (Волчанское I, к.1, п.21; Новомосковск, к.1, п.10); одна из погребения в бассейне р. Молочная (Северное Приазовье) (Богуслав I, к.23, п.7); и еще одна из погребения в междуречье Прута и

Днестра (Казаклия, к.17, п.22) (рис.3, 1-4)⁹.

Булавка из Богуслава, как и из могильника «Синюха» на окраине Майкопа, была сделана из квадратного в сечении прута длиной 7,5 см, а булавы из Волчанского и Новомосковска – из круглого прута около 5,5 см длиной. Все булавы в разной степени изогнуты дугой, их нижние концы заострены, а верхние раскованы и свернуты в маленькую петлю-ушко. За это ушко булавка подвешивалась, так как в одном случае она лежала вместе с мелкими дисковидными гагатовыми бусами (Волчанское I, к.1, п.21), а в другом с ней была найдена дисковидная бусина из меди¹⁰. Все три погребения с бронзовыми дуговидными булавами по обряду во многом напоминают захоронения с окраины Майкопа: погребенные уложены скорчено на правом или левом боку, кисти согнутых рук перед лицом, головой в южный сектор.

Культурно-хронологическая атрибуция этих и аналогичных им по обряду захоронений в восточноевропейской степи сегодня во многом облегчена благодаря исследованиям И.В. Манзуры и Ю.Я. Рассмакина, которые в целом солидарны в оценке значительного майкопского вклада в их формирование¹¹. Погребения этого типа первоначально были выделены в животиловско-волчанскую группу¹², а позднее рассматривались в рамках четвертой погребальной традиции как группа III-C. Погребения этой группы распространены от Нижнего Дона до Буга, включая северный Крым (рис.4)¹³.

По данным курганной стратиграфии и встречаемости основных типов инвентаря, по-

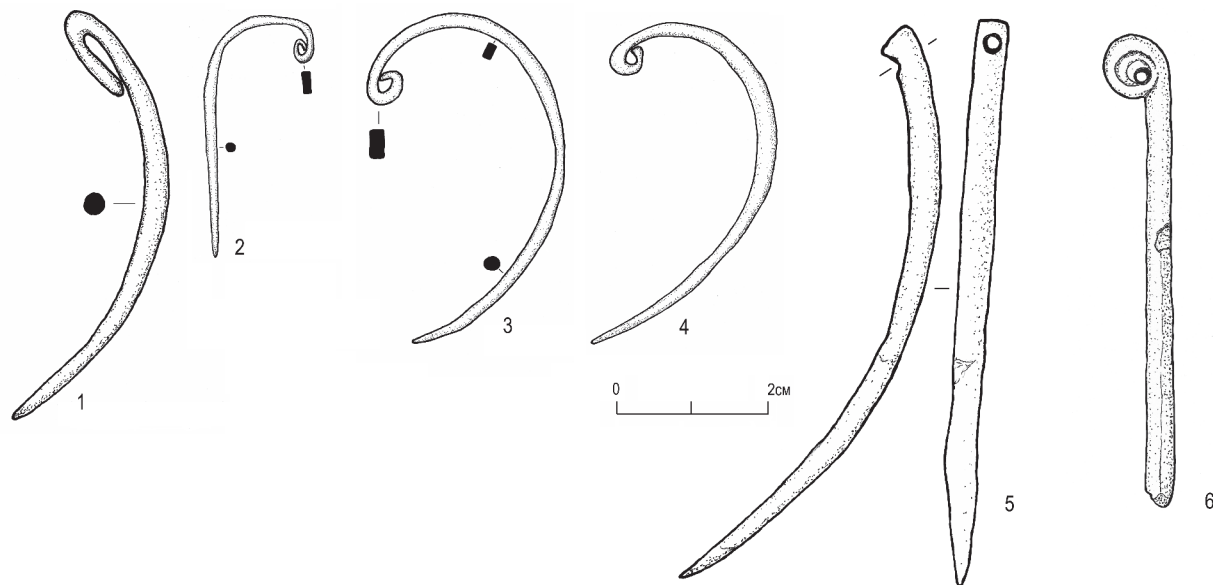

Рис. 3. Булавы/подвески. Северное Причерноморье:

1 – Волчанское I, курган 1, погребение 21; 2 – Новомосковск, курган 1, погребение 10; 3 – Богуслав I, курган 23, погребение 3; 4 – Казаклия, к.17, погребение 22 (по: Rassamakin Ju., 2004); Северный Кавказ: 5 – Большой Кишпекский курган, погребение 10 (по: Мизиев И.М., 1984); Восточная Анатолия: 6 – поселение Тюлинтепе (по: Yalçın Ü., Yalçın H. Göül, 2009). 1-4, 6 – бронза; 5 – кость

гребения группы III-C, в том числе с бронзовыми дуговидными булавками/подвесками, относятся к самой поздней группе энеолитических погребений, синхронным, судя по найденной в них трипольской посуде, финальному этапу трипольской культуры С/2 и позднему Усатово типа Бурсучены¹⁴.

На Нижнем Дону это время существования константиновской культуры.

Культурная принадлежность погребений группы III-C

В отличие от трех других погребальных традиций, у четвертой, к которой относятся погребения группы III-C (скорченное положение на боку, кисти рук перед лицом, преобладание южной и восточной ориентировки), по наблюдению Ю.Я. Рассмакина, в степи нет корней и она появляется там, где прежде доминировали другие погребальные обычаи¹⁵.

Если погребения группы III-C по обряду ближе всего майкопской традиции, в их инвентаре присутствует майкопская керамика и погребенные в них люди одинаковым образом носили однотипные с «майкопцами» украшения, то, видимо, и группу в целом следует рассматривать в контексте майкопской культуры, а отличия от ее «классического» облика принимать как ре-

зультат адаптации к новой культурной среде.

О времени освоения майкопскими переселенцами территории к западу от Нижнего Дона можно судить по облику майкопской керамики, которая встречается в погребениях группы III-C на самых западных рубежах своего распространения. Хронологически наиболее характерными типами являются небольшие острореберные сосуды, украшенные по плечикам вдавленным или пролощенным «паркетным» орнаментом (Соколово I, к.6, п.4; Животиловка/Новомосковск, к.1, п.10) (рис.5), т.е. та разновидность посуды, которая типична для костромского (Костромская–Иноземцево) этапа развития майкопской культуры. При этом бросается в глаза, что на западной окраине майкопского мира нет ни ранних майкопских форм устьдзегутинского периода, ни поздних форм бамутского этапа. Другими словами, семьи свободных «майкопских» пастухов (а кем еще они могли быть в степи?) расселились в Приазовье в тот период, когда культура была на подъеме и склонна к экспансии.

Простой вывод о том, что в предгорьях Северного Кавказа, на Нижнем Дону и Нижнем Днепре у населения, придерживающегося общего погребального ритуала, одновременно в ходу была посуда с пролощенным орнаментом и украшения в виде бронзовых булавок-подвесок, на

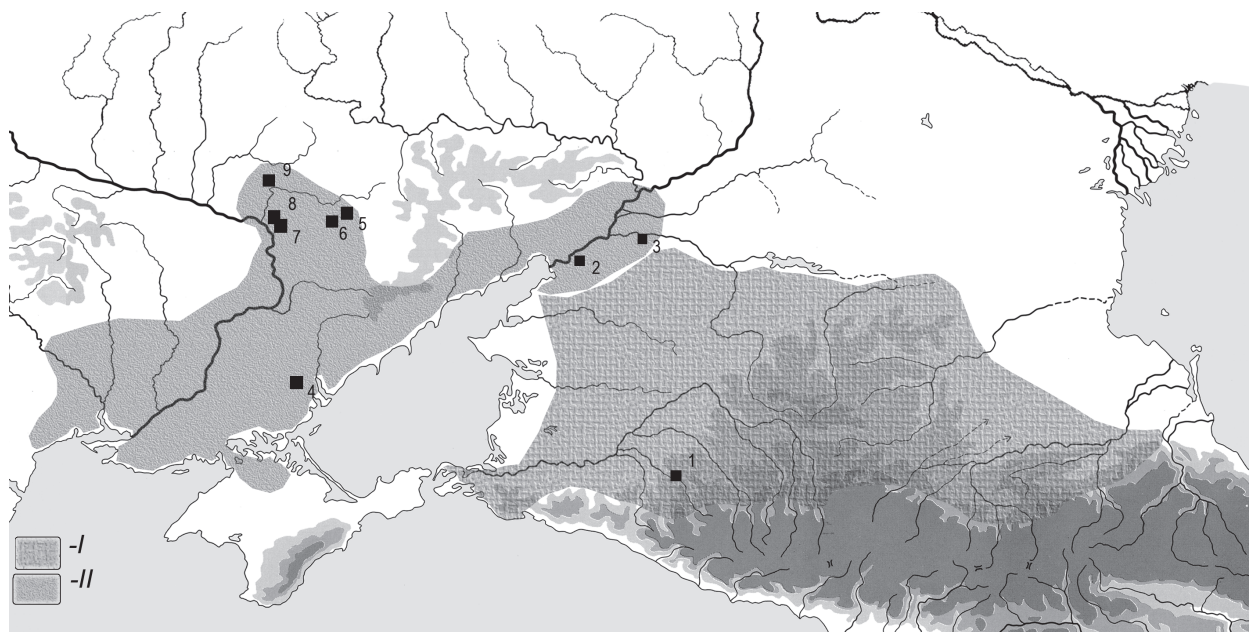

Рис. 4. Карта: I – территория распространения майкопской культуры на костромском (Костромская – Иноземцево) этапе развития;

II – территория распространения погребений группы III-C (по: Rassamakin Ju., 2004).

1 – Могильник «Синюха», курган 1, погребение 12; 2 – Койсуг II, курган 5, погребение 18; 3 – Шахаевская II, курган 3, погребение 8; 4 – Волчанское I, курган 1, погребение 21; 5 – Богуслав I, курган 23, погребение 3;

6 – Павлоград I, курган 8, погребение 3; 7 – Соколово I, курган 6, погребение 4;

8 – Животиловка (Новомосковск), курган «Майдан», погребение 5; 9 – Новомосковск, курган 1, погребение 10

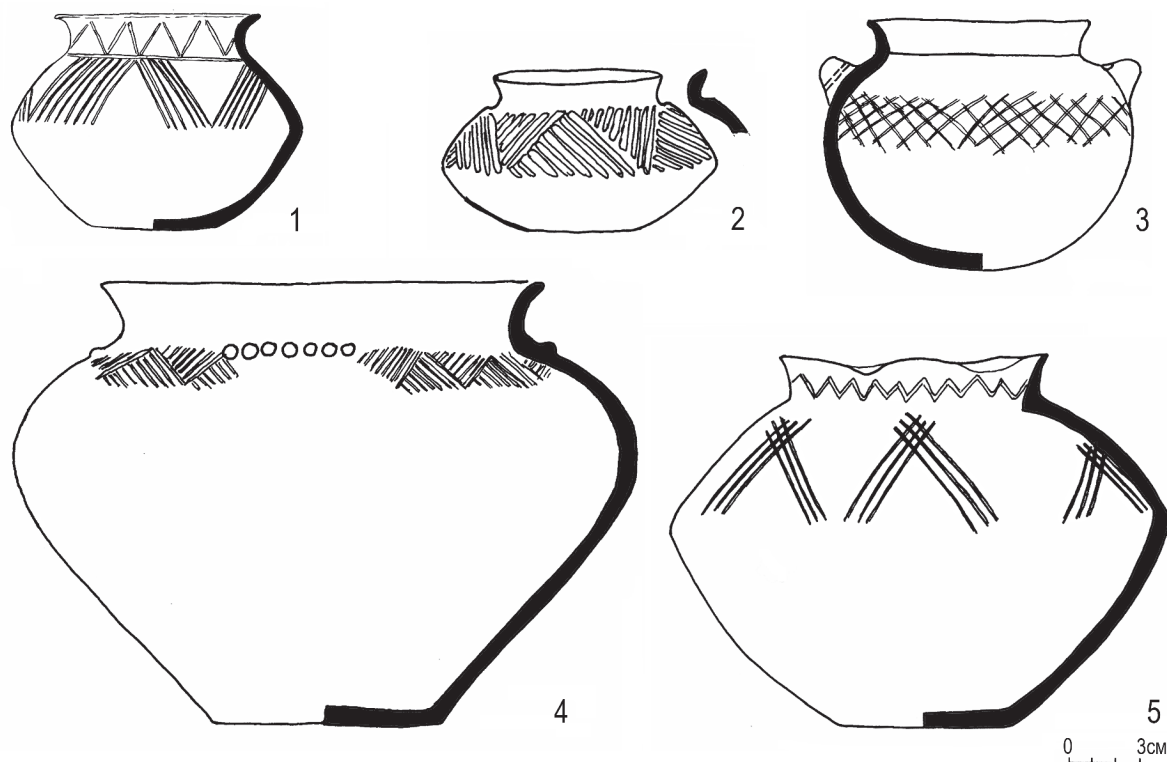

Рис. 5. Керамика с «пролощенным» орнаментом. Нижний Дон – Нижний Днепр:

1 – Соколово I, курган 6, погребение 4; 2 – Шахаевская II, курган 3, погребение 8;

3 – Койсуг II, курган 5, погребение 18; 4 – Павлоград I, курган 8, погребение 3;

5 – Животилровка (Новомосковск), курган «Майдан», погребение 5 (по: Rassamakin Ju., 2004)

самом деле позволяет перейти к моделированию более сложной картины культурного развития, в которой сама майкопская культура является одним из эпизодов грандиозной истории расцвета и заката мощной традиции, возникшей на окраинах первых древневосточных цивилизаций. Это история о том, как, где и когда эта традиция достигла своих северных и западных территориальных пределов.

Заключение

Когда в 70-е годы прошлого века, с пятидесятилетним опозданием, была признана справедливость взглядов М.И. Ростовцева¹⁶ на принадлежность майкопского изобразительного искусства к месопотамскому, или по терминологии того времени «шумерскому» кругу культур¹⁷, то поиск и открытие происхождения других составляющих майкопской культурной традиции стали только вопросом времени.

По мере открытия новых памятников на огромном пространстве между Северным Кавказом и Междуречьем становилось понятным, что у майкопской культуры нет прародины в традиционном смысле этого понятия, так как она сама является равноценной частью блока культур – обширной культурной провинции с подвижными границами,

в пределах которых под воздействием природных, экономических и идеологических сил свободно перемещаются культурные эталоны¹⁸.

Появление в репертуаре майкопской керамики посуды с пролощенным орнаментом является одним из проявлений такого рода «дрейфа» на север южномесопотамской урукской традиции украшения посуды пролощенным по ангобу (reserved slip) орнаментом, с близкими майкопским композициями¹⁹. В восточной и юго-восточной Анатолии, северной и западной Сирии керамика с этой разновидностью орнамента остается в употреблении в период позднего халколита – начале эпохи ранней бронзы (Late Chalcolithic IIb – Early Bronze Age IA), т.е. на протяжении приблизительно второй половины IV тыс. до н.э. К северу от Месопотамии подобная посуда в значительном количестве обнаружена на поселениях вдоль Верхнего Евфрата в районах Кебан-Малатья, Карабаба, на Амукской равнине и в бассейне Хабур²⁰.

В «пакет» переднеазиатских традиций, укorenившихся в майкопской культуре, кроме навыков по изготовлению определенного ассортимента керамики, входили и привязанности к определенному набору украшений. Из той же области, где была популярна традиция украшения керамики пролощенным орнаментом, веро-

ятнее всего, на Северный Кавказ попали и многие типы украшений, в том числе бронзовые булавки типа найденной в погребении 12, курган 1, могильника «Синюха» на окраине Майкопа. По крайней мере похожая бронзовая булавка, правда, прямая, была найдена в позднехалколитическом слое поселения Тюленте, на Верхнем Евфрате в области Кебан-Малатья (рис.3, 6) – том же самом поселении, в слое которого в 1966 г. был найден клад с копьями, аналогичными наконечникам копий с поселения Арслантепе и майкопских погребений²¹.

Пишу об этом еще раз, чтобы подчеркнуть, что погребение 12 в кургане 1 могильника «Синюха» по всем параметрам соответствует майкопской традиции: даже булавку редкого типа носили «по-майкопски» в составе ожерелья.

Керамика с пролощенным (проглаженным, каннелированным) орнаментом является довольно яркой, но определенно не единственной разновидностью посуды, с которой «майкопцы» отправились покорять степь. В их «походный» набор, вероятно, входили и так называемые кубки – довольно разнообразная по качеству изготовления и пропорциям категория небольших плоскодонных, чаще всего чернолощенных сосудов с горшковидным туловом и расширяющимся горлом, в основании которого иногда проходит врезная линия²².

Эта разновидность посуды встречается вместе с керамикой, украшенной пролощенным орнаментом как на майкопских поселениях (Сергинское)²³, так и в погребениях (Клады, к.11, п.20)²⁴. Территориально и количественно «кубки» лучше всего представлены в западном ареале майкопской культуры, особенно в пределах распространения памятников новосвободненского типа²⁵.

К северу от предгорий Западного Кавказа цепочка из погребений с кубками тянется через степное Прикубанье (Новокорсунская, к.2, п.18; Заветинская, к.1, п.1)²⁶ на Нижний Дон и в северное Приазовье²⁷, т.е. туда, где кубки вместе с бронзовыми дуговидными булавками-подвесками и керамикой с пролощенным орнаментом составляют часть инвентаря той самой группы III-C, которая сохранила признаки майкопского погребального обряда.

Если это совпадение не случайность или результат сравнительно-типологической ошибки, то можно предположить, что хронологически согласованное распространение погребений с элементами майкопского погребального обряда и майкопскими типами инвентаря отражает расселение майкопских колонистов в северном и западном направлениях.

Значительно труднее поверить в возможность движения в противоположном направлении – с

запада на восток и юг, как предполагает А.Д. Резепкин. По его мнению, появление в степи погребений с чернолощенными кубками отражает процесс формирования культурного коридора, по которому из Северо-Западной Европы на Северо-Западный Кавказ проникли элементы культуры воронковидных кубков, ставшие культурной матрицей для керамики и мегалитических гробниц новосвободненского типа. Культурный коридор длиной около 2,5 тыс. км, необходимый для такого рода трансляции фрагмента культуры воронковидных кубков и его имплантации в «майкопской» среде, А.Д. Резепкин представляет в виде блока синхронных культур, среди которых ключевое место занимают памятники с керамикой типа обнаруженной в нижнем слое поселения Михайловка на Нижнем Днепре²⁸.

Здесь же, на полпути из Западной Европы на Кавказ, начинаются проблемы с достоверностью существования блока синхронных культур с чернолощенной керамикой, как его представляет себе А.Д. Резепкин, так как нижний слой поселения Михайловка, во-первых, древнее погребений группы III-C; во-вторых, там нет чернолощенных кубков²⁹; и, в-третьих, там вообще нет признаков влияния культуры воронковидных кубков, но есть элементы балканской культуры Чернавода I³⁰. Если коротко, то никакого блока культур с чернолощенными кубками в степи между Кавказом и Западной Европой никогда не существовало. Как не существовало и отдельной группы погребений с кубками. Эта разновидность посуды, судя по встречаемости в погребениях с керамикой других групп, была в употреблении одновременно не только с майкопской, украшенной пролощенным орнаментом, но и самой поздней трипольской (C/2), причем чем дальше на запад, тем чаще она встречается в погребениях группы III-C³¹.

Видимо, где-то между Бугом и Нижним Днепром распространению майкопских элементов культуры был положен предел встречной экспансией не менее «пассионарной» позднетрипольской культуры в образе Усатово-Гординости. Конечная борьба за влияние между двумя изящными культурами положили «репинские ямники» – первая степная суперкультура. С учетом существующих представлений о хронологии это историческое событие могло произойти в конце IV тыс. до н.э.

Таким образом, распространение элементов майкопской культуры в северо-западном направлении можно рассматривать как результат инфильтрации связанного с ней населения, в то время как северо-восток в сторону Волги был областью спорадического и фрагментарного распространения элементов майкопской культуры в виде влияний, заимствований и обменов.

Для продвижения на запад у «майкопцев» теоретически было два пути вокруг Азовского моря: через Нижний Дон и через Керченский пролив, но пользовались ли крымским маршрутом на раннем этапе продвижения в степь, неизвестно. Похоже, что в Крыму «майкопцы» оказались на закате собственной культуры.

Жизнь нескольких поколений майкопских переселенцев на значительном удалении от собственных культурных центров и в окружении чуждых культур неизбежно наложила свой отпечаток на их систему традиционных ценностей. Возможно, южная граница настоящего степного варианта майкопской культуры начинается только за Нижним Доном, где сохранение самобытности было тесно связано с компромиссами вынужденного взаимного сосуществования различных культурных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Косвенно на это указывают размеры и кластерный характер размещения поселений майкопской культуры, а также очевидная социальная стратификация общества, выраженная в особенностях погребального обряда.
- ² Шишлина Н.И. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). Тр. ГИМ. М., 2007. С.306–311.
- ³ Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е. Погребения эпохи бронзы курганного могильника «Синюха» в Адыгее (предварительные данные) // Шестая международная археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013. С.481–485.
- ⁴ В публикации он описан как костяной (с.481), но осмотревшая его Н.И. Шишлина считает, что он был сделан из камня. Приношу ей благодарность за эту информацию.
- ⁵ Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е. Указ. соч. С.482.
- ⁶ Как и прежде, я придерживаюсь выделения в майкопской культуре трех основных периодов развития: усть-джегутинского (памятники типа Усть-Джегутинская, майкопские погребения из раскопок А.Л. Нечитайло), костромского (памятники типа Костромская – Иноземцево, майкопские погребения из раскопок Н.И. Веселовского и С.Н. Кореневского, соответственно у ст.Костромская и п.Иноземцево) и бамутского (памятники типа Бамут, майкопские погребения из раскопок Р.М. Мунчаева у с.Бамут). В основе этой периодизации лежит анализ стратиграфии и встречаемости в майкопских погребениях основных типов керамики (Трифонов В.А. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18–24 марта 1991 г. Тезисы докладов. Л., 1991. С.25–29).
- ⁷ Приношу благодарность Н.И. Шишлиной за возможность упомянуть эти еще не опубликованные результаты анализов.
- ⁸ В книге С.Н. Кореневского «Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья» эта булава вместе с сосудом и серебряными подвесками ошибочно отнесена к погребению 9 вместо погребения 10 (Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы

внутренней типологии. М., 2004. С.152. Рис.24, 16–18); см. также Мизиев И.М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические работы на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Часть 2. Нальчик, 1984. С.92. Рис.4).

- ⁹ Rassamakin Ju. 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil I, Text. Teil II, Katalog, Tafeln. Archäologie in Eurasien, Band 17. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 2004. Z.132. Abb.105.
- ¹⁰ Там же. Teil II. Z.140.
- ¹¹ Manzura I. The East-West interaction in the mirror of the Eneolithic and Early Bronze cultures in north-west Pontic // Revista Arheologică 1, 1993. P.23–53; Manzura I. Steps to the steppe: or, how the North Pontic region was colonized // Oxford Journal of Archaeology. Vol.24, Issue 4, 2005. P.313–338; Rassamakin Ju. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil I, Text. Teil II, Katalog, Tafeln. Archäologie in Eurasien, Band 17. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Mainz, 2004.
- ¹² Rassamakin Ju. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC // Levine M., Rassamakin Ju., Kislenko A. and Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppes. Cambridge, 1999.
- ¹³ Rassamakin Ju. 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil I, Text. Teil II, Katalog, Tafeln. Archäologie in Eurasien, Band 17. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Mainz, 2004.
- ¹⁴ Manzura I. The East-West interaction in the mirror of the Eneolithic and Early Bronze cultures in north-west Pontic // Revista Arheologică. №1. 1993. P.33; Bogataja L.K., Manzura I.V. Ost-West-Wechselbeziehungen im Spiegel der äneolithisch-frühbronzezeitlichen Kulturen des nordwestlichen Schwarzmeergebietes // Zeitschrift für Archäologie. №28. 1994. Z.75–76; Rassamakin Ju. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil I, Text. Teil II. Katalog, Tafeln // Archäologie in Eurasien, Band 17. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Mainz, 2004. Z.205. Abb.136.
- ¹⁵ Rassamakin Ju. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil I, Text. Teil II, Katalog, Tafeln. Archäologie in Eurasien, Band 17. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Mainz, 2004. Z.205. Abb.136.
- ¹⁶ Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. №1. 1977. С.39–56; Андреева М.В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. №1. 1979. С.22–34.
- ¹⁷ Rostovzev M. L'âge du cuivre dans le Caucase septentrional // Revue Archéologique. Cinquième série. Tome XII. 1920. P.1–37; Rostovzev M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- ¹⁸ Трифонов В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып.192. 1987. С.18–26.
- ¹⁹ Трифонов В.А. Майкопская керамика с «пролощенным» орнаментом // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Тезисы конференции. Часть I. М., 2003. С.73–77.
- ²⁰ Abay E. Die Keramik Der Frühbronzezeit in Anatolien: Mit «syrischen Affinitäten». Munster, 1997. Print; Rova E. Ceramic Provinces along the Middle and Upper Euphrates: Late Chalcolithic-Early Bronze Age, a Diachronic View // Baghdader Mitteilungen. Band 27. 1996. P.13–37.
- ²¹ Yalçın Ü., Yalçın H. Göül. Evidence for early use of tin at Tülinpe in Eastern Anatolia // TÜBA-AR, 12, Turkish Academy of Sciences. 2009. P.128, 139. Fig.4.1.

- ²² Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012. С.254. Рис.126.
- ²³ Днепровский К.А. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С.3-19.
- ²⁴ Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012. С.151. Рис.22, 2-7.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Кондрашов А.В., Резепкин А.Д. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып.193. С.91-97; Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С.99. Рис.4, 17.
- ²⁷ Rassamakin Ju. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil I, Text. Teil II. Katalog, Tafeln // Archäologie in Eurasien, Band 17. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Mainz, 2004. Z.127. Abb.102, 14-18.
- ²⁸ Резепкин А.Д. Указ. соч. С.94-105.
- ²⁹ Котова Н.С. Деревянная культура и памятники нижнемихайловского типа. Киев-Харьков, 2013. С.89-99, 103-104.
- ³⁰ Манзура И.В. Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // Stratum plus, №2. 2003-2004. Saint-Petersburg – Kishinev – Odessa – Bucharest, 2005. С.65. Рис.1.
- ³¹ Rassamakin Ju. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Teil I, Text. Teil II, Katalog, Tafeln. Archäologie in Eurasien, Band 17. Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Mainz, 2004. Z.198. Abb.132.

WESTERN BOUNDARIES OF EXTENSION OF THE MAIKOP CULTURE

© 2014 V.A. Trifonov

Institute for Study of Material Culture History, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

The aim of this article is to locate the western limits of extension of the Maikop culture in the North Pontic steppe at the Bronze Age. The material record illustrates clearly that during the second period of its development (the period of Kostromskaya-Inozemtsevo, the second half of the IV millennium BC) some mobile groups of population related to the Maikop culture inhabited the North Pontic steppe up to the Low Dnieper region for few centuries. The article also discusses the origin of the «black-polished beakers» in the North Pontic steppe.

Key words: Maikop culture, Caucasus, North Pontic steppe, Eneolithic, Bronze Age.